

Я молчу

Интервью с режиссером Виестурсом Кайришем

Перевод Людмилы Нюкневич

[221]

ИЛ 3/2019

Говорить, что думаешь, в Латвии нельзя. Такое мы сформировали общество, и это — пиррова победа политиков, утверждает режиссер Виестурс Кайриш. В последние годы он редко соглашался на интервью, предпочитая разговорам творчество. 1 ноября 2016 года в кинотеатре “Kino Citadele” состоялась премьера фильма “Хроники Мелании”. Картина снята по мотивам воспоминаний Мелании Ванаги, ставших основой романа “На берегу Вельупе” (*Velupes krastā*). Она рассказывает о депортации латышей, о шестнадцати годах, прожитых героиней в Сибири, о борьбе не только за физическое выживание, но и за сохранение человечности, чувства собственного достоинства.

Инесе Лусиня. Это правда, что “Хроники Мелании” рождалась долго и трудно?

Виестурс Кайриш. Да, из-за ситуации с финансированием в латвийском кино. Картина не относится к проектам, которые готовятся к празднованию 100-летнего юбилея Латвии; на эти картины деньги есть. Это обычный для латышского кино нищенский проект, и несколько лет ушло только на поиски и привлечение финансов. Я довольно быстро нашел продюсера, однако поддержка оказалась скромной: денег дали немного, и свобода творчества была ограничена. Тем более что мы снимали исторический фильм, невозможно же просто выйти на улицу и сразу начать съемку. Нужны декорации, костюмы. Может, и хорошо, что картина рождалась так долго, — было время продумать все, понять, изучить.

И. Л. Швейцарская актриса Сабина Тимотео, которая сама озвучила главную героиню по-русски и по-латышски, тем самым проделала героическую работу?

В. К. Да нет, хотя обычно такое невозможно, это не распространенная практика. Сабина — швейцарка, она говорит на нескольких, пяти или шести, языках. В Швейцарии Сабину учил

© Людмила Нюкневич. Перевод, 2019

Перевод публикуется с любезного разрешения Союза писателей Латвии (Latvijas Rakstnieku savienība); Publishing house Dienas Mediji Ltd. agrees to translate and publish in the journal “Inostrannaya Literatura”, Inese Lusini interview with Viesturs Kairiss.

На латышском языке интервью Инесе Лусиня с Виестурсом Кайришем опубликовано в газете “Kulturas Diena” 26.10.2016. Печатается в сокращении.

языку консультант, мы отправляли ей образцы текста, и, приезжая на съемки, она каждый раз говорила по-латышски все лучше и лучше. Для меня же самым существенным было то, что она не актриса, а профессиональная танцовщица. Причем очень хорошая. Сабину Тимотео приняли в штат Дюссельдорфского оперного театра, но она ушла из балета, чтобы стать актрисой. Сниматься начала рано, еще в школьные годы. В Сабине есть особое обаяние, яркая эмоциональность. У нее такое... музыкально-телесное восприятие мира. А я как раз хотел найти на роль Мелании не актрису. Чтобы она больше жила и сопереживала, чем играла. Я искал Клауса Кински женского пола.

И. Л. Где ты ее нашел?

В. К. Просто так получилось. Я видел ее в нескольких фильмах на Берлинском кинофестивале и запомнил. Наша встреча — большая удача. Сабина очень харизматична, но она терпеть не может, когда ее воспринимают этакой звездой. Ей нравилось разговаривать с простыми латгальскими тетушками и русскими старушками из Латгалии — до сих пор загадка, на каком языке. И латышский, и русский были для нее в новинку. А самое смешное, что в эпизодах, где Мелания должна говорить на немецком, который Сабина отлично знает, говорить ей полагалось, как на чужом языке, с акцентом. Я часто старался использовать то, как она движется. Тело и разум у нее настолько дополняют друг друга, что очень хотелось сохранить и присущую ей эмоциональность, и ее голос. Сабина сама наговорила текст в студии звукозаписи. Чудо, что она смогла это сделать.

И. Л. Почему ты снимал в Латгалии и в Финляндии, а не в России?

В. К. Потенциальные продюсеры сразу сказали нам, что с подобным фильмом в России появляться бессмысленно. Хотя в своих популярных программах об исторических событиях российское телевидение порой и касается этих тем, но говорить откровенно, без ссылки на “правильный” исторический взгляд там еще не готовы. Мы и сами еще к этому не готовы. Начиная съемки фильма, я был поражен тому, что и в Латвии люди не желают обсуждать эти темы. Во-первых, это неприятно. Во-вторых, у многих бизнес с Россией, и можно навредить ему. Хотя фильм не антироссийский. В конце концов, в России ведь официально осудили сталинский режим. Когда люди стали возвращаться из ссылки, они в Латвии не могли найти себе места, никто на самом деле не хотел связываться с ними. Они так и остались никому не нужными. Кто-то воспринимал их просто как неудачников, не сумевших приспособиться к тому времени. Или же — что им просто не повезло, поскольку все тогда нередко определяла чистейшая случайность. Мне

важно, чтобы мы, в Латвии, смогли говорить об этих вещах спокойно, — что именно это было, почему так случилось; это нужно для того, чтобы подобное никогда не повторилось.

И. Л. О депортациях в Сибирь на протяжении уже многих лет рассказывает режиссер-документалист Дзинтра Гека.

В. К. Дзинтра Гека эту тему разработала фундаментально. Благодаря ей мне удалось самому добраться до деревни Тюхтет, что между Красноярском и Томском, там жила в ссылке Мелания. Мы с Иевой Юрьяне присоединились к экспедиции фонда “Дети Сибири”, проехали на микроавтобусе от Красноярска до Томска. Это было важное и эмоционально тяжелое переживание — увидеть собственными глазами, как высланные жертвы и их родственники в лесах искали захоронения своих близких. Почувствовать, какая она, Сибирь.

И. Л. Вы увидели Сибирь сегодняшнюю, но ведь фильм о 40–50-х годах.

В. К. Тамошняя природа по-прежнему впечатляет. Когда я попросил, чтобы меня по дороге завезли в тайгу, в окрестностях Тюхтета тайги обнаружить не удалось, она основательно вырублена. Хотя деревень, в которых не было бы электричества, мы не увидели, бедность в деревнях и селах все та же, они словно бы выпали из времени. Сибирь — это как музей времени. Я ощутил простор, ширь, масштаб и неописуемый хаос в мыслях. Меня это пленило, люди в Сибири очень интересные. Для меня Сибирь ассоциировалась с красотой ее природы. Я старался проникнуться ею, увидеть ее глазами Мелании Ванги — в ссылке природа стала для нее единственным источником силы, спасавшим душу от разрушения. Я искал способ, как это показать в фильме. Для Мелании природа сохранила свою роль и в Латвии. Она считала, что каждый человек должен описать одну реку, и написала семь томов дневников — исследование Аматы. Сын довозил ее до леса, и там она пропадала на два-три дня, обозначив веткой с привязанным к ней шарфиком на обочине шоссе место “погружения”.

И. Л. Мир знает о еврейском геноциде нацистами, но достаточно ли информации о масштабах депортаций народов во времена сталинского режима?

В. К. Белорусский актер Виктор Немец, который в фильме играл местного начальника Ампалова, спрашивал, не были ли герои фильма депортированы по причине сотрудничества с нацистами. И никак не мог понять, что людей выссылали просто так, ни за что. Это притом, что депортация коснулась и многих белорусов. История создала два разных образа для двух аналогичных режимов — нацизма и сталинизма. Германию после поражения в войне победившие силой заставили

искоренить нацизм, преодолеть его. В 1989 году, когда разрушили Берлинскую стену, мы увидели, какой стадии развития достигла Западная Германия, а какой – Восточная. Сталинизм в Восточной Германии не подвергался глубокому анализу. Трибунала, международного суда, аналогичного Нюрнбергскому, над сталинизмом не было. И сегодня мы видим, что страны, пережившие сталинский режим, так и не сумели освободиться от него, начать новый этап своего развития. Более того – в России Сталин даже становится популярным.

И. Л. Недавно начали высказываться сомнения, была ли в Латвии на самом деле советская оккупация...

В. К. Это как раз одна из важных составных частей исторического контекста. Необходимо понимать, что и в Латвии смена власти произошла очень формально. Украинский режиссер Сергей Лозница, в прошлом году получивший награду Рижского международного кинофестиваля “Riga IFF”, для своего фильма “Представление” использовал архивные материалы, заснятые в Петербурге во время путча августа 1991 года. В одном из кадров можно увидеть нынешнего президента России Владимира Путина. Лозница в фильме показывает, что власти устроили спектакль для людей. Они понимали, что дальнейшее развитие СССР в прежнем виде невозможно, и поэтому сделали все, чтобы народ решил – строй, мол, поменялся. А чекисты продолжали все контролировать и всем управлять.

Чувство такое, что в Латвии после “Революции песен” поменялся только фасад, его перекрасили. Развитию Латвии очень мешает то, что мы не отмежевались категорически от всех, кто сотрудничал с преступным режимом. На самом деле история не завершена, и та война еще не закончена. Первый шаг на этом пути – осознать факты и начать говорить об этом. Я много говорю об истории, но при этом хочу подчеркнуть, что съемки “Хроники Мелании” для меня были в первую очередь художественным проектом.

И. Л. А была ли у тебя личная мотивация?

В. К. Из моих ближайших родственников никто выслан не был. А вот наших соседей выслали. О Мелании Ванаге первым рассказал мне художник Илмар Блумберг, когда мы вместе работали над постановкой “Волшебной флейты” Моцарта в Латвийской опере. Он, как и писатель Олаф Гутманис, был одним из “детей Мелании”, о которых она заботилась в Сибири. У Илмара был великолепный рассказ о том, как Мелания на его десятый день рождения подарила ему страшную сказку про бурундука, которого выманило на весеннее солнышко брачное посвистывание суженой. Звук вскружил зверьку голову и петлей обвился вокруг шеи. А петлю эту поставил охотник...

Написанные Меланией тома воспоминаний больше, чем просто биография. Жизненная сила ее личности поражает. В Мелании было некое особое духовное напряжение, она никогда не интересовалась сплетнями и суетой. Ее невестка рассказала мне, что у Мелании было бы о чем поговорить со мной. Но случись на самом деле наша встреча, она помешала бы мне снять фильм. А я хотел максимально отстраниться от субъективного видения. Именно поэтому мне так понравилась Сабина в этой роли. Память и ассоциации в латышах так густо намешаны, что латышской актрисе было бы сложно сыграть Меланию.

И. Л. Когда ты начал работать над фильмом, на Украине еще не было “зеленых человечков”, Крым был украинским. Эти события повлияли на фильм?

В. К. Они укрепили во мне ощущение необходимости чуть ли не каждодневной бескомпромиссной заботы об интересах моей страны, убеждение, что нельзя позволить предать Латвию. Мы ведь понимаем, что отстаивание идей латвийской культуры экономически невыгодно. Проще примкнуть к культурам более мощным, перестать противиться внешнему влиянию. А на самом деле следует, в конечном счете, рассматривать культуру Латвии как элитарную и бороться за это, не позволять искажать историю.

В нашем государстве все в основном вращается вокруг экономических интересов, а они во многом противоречат интересам существования национального государства. Поэтому наша власть пребывает в состоянии раздрая — она стремится достичь так называемого “благополучия”, но это стремление противоречит идеям поддержки национальной культуры. Как поддерживать культуру, у которой нет шансов стать самокупаемой на рынке, поддерживать кино, литературу, классическую музыку, которые никогда не смогут приносить прибыль...

И. Л. А культура, по-твоему, по-прежнему существует в статусе дармоеда? Недавно власти публично заявили — деньги на финансирование культуры надо перенаправить на здравоохранение.

В. К. Культура перестанет гибнуть, только если появятся люди, министр культуры, например, способный стукнуть кулаком по столу и твердо заявить — вы это прекратите! Люди, к которым прислушиваются, с которыми считаются, которых боятся.

И. Л. Уже по меньшей мере лет десять наши министры культуры подчеркивают роль культуры для общества, равно как и ее позитивное влияние на экономику.

В. К. Милая такая возня, которая в итоге сводится к борьбе интересов каких-то групп, как и везде в нашей политике.

Группы представляют частные интересы, у них начисто отсутствует какое бы то ни было общее представление о культуре в целом.

И. Л. Что делать в такой ситуации?

В. К. Каждому бороться внутри собственной профессиональной сферы. Я это ясно вижу по себе. Если бы меня спросили, что происходит в политике Латвии, — я ею больше не интересуюсь. Я понял, что политики добились главного: в обществе — равнодушие, апатия. Власть одержала большую победу. Сейчас в Латвии правит бал стагнация, поскольку сферы влияния уже поделены. Ситуация ужасная. Я даже не знаю, как реагировать, поскольку считаю, что сам я эту борьбу проиграл. Я часто говорил обо всем этом, но вот уже год как отказываюсь давать интервью, поскольку понимаю, что превращаюсь в клоуна. По-человечески я потерпел поражение — подчинился тому, чего хочет элита. Отныне я буду думать исключительно о творчестве, а не о том, что происходит в стране.

И. Л. Почему ты больше не хочешь давать интервью?

В. К. В интервью я старался говорить то, что думаю. Видя, что сказанное в интервью только мешает моей профессиональной карьере, я тоже стал политкорректным и просто замолчал. Надо открыто признать: в Латвии я не могу говорить того, что думаю. Когда-то мы играли в демократию, модно было критиковать всё и вся. Теперь критика явно ограничивает твои же профессиональные возможности.

Участвуя в передачах, в дискуссиях с политиками, я заметил, как политики отвечают на вопросы, — в их ответах нет не единой мысли, это абстрактный язык, и если говорить на нем, тебя никто не поймает на слове. На Западе задача критики совершенствовать в дискуссиях общество, а наша модель — замалчивание критики, поскольку она мешает.

И. Л. Ставя спектакли в Германии, ты оценил пестрое многообразие открытого общества. Сейчас, во времена миграционного кризиса и террористических угроз в Западной Европе, остается ли Латвия оазисом?

В. К. Мир стремительно и неизбежно меняется. Кто-то еще надеется, что закрыть границы — тоже способ. Но надо понимать, что даже самая хорошая политика не в состоянии остановить передвижение людей по планете. Можно только на время сделать вид — дескать, мы что-то предпринимаем. Латвию беженцы еще не запрудили только потому, что у нас очень низок уровень социальных гарантий. Мы воображаем, что мир по-прежнему существует в эпоху колониализма, что в нем есть богатые и бедные и что так будет всегда. Однако резкое расслоение общества становится невозможным. Нуж-

но думать над тем, что означают те или иные изменения, как с ними работать, как жить.

Только в силу нашей социальной бедности мы защищены от активного присутствия в Латвии иммигрантов и террористов. Но это только вопрос времени. У нас ведь так много пустых свободных территорий!

И. Л. Культура — наша сила и наше убежище?

В. К. В Германии, где в последние годы я довольно часто бывал и работал, я понял: они все тут — немцы, будь то этнические китайцы, корейцы, русские или турки. Поэтому мне давно уже кажется, что наших русскоязычных латышей нужно называть латышами русского происхождения. Латыш будет мультинациональным, или его скоро не станет, если мы оттолкнем этих людей. Либо латыши в конечном счете составят скромный миллион говорящих по-латышски в десятиллионной среде жителей, говорящих на других языках. Нам нужно укреплять латышскую культуру и язык, чтобы они доминировали в стране, но не надо разделять латышей и русских.

Если у нас здесь не изменится мышление, Латвия в будущем станет просто территорией. Мы полагаем, что наша Латвия — маленькая страна, находящаяся в зоне влияния больших государств. Что те, большие, решат, — то с нами и будет. Мы слишком низко оцениваем себя и тем самым снимаем с себя ответственность. Это фундаментальная ошибка. Мы же видим чрезвычайно пассивное отношение Евросоюза к политике России. Может, стоило бы создать союз государств — Балтии, Польши, Финляндии и всерьез задуматься, как защитить себя самим?

И. Л. В нашей беседе три года назад, предупреждая о неминуемой гибели Латвии, главной причиной этой гибели ты назвал отсутствие идеи Латвии.

В. К. Ничего не меняется. У нас развитие носит характер очередных кампаний, мы празднуем юбилеи, а общего видения перспектив нет. Хотя мы же не для того живем, чтобы праздновать 100-летие Латвии. Нельзя недооценивать внешние силы, которые заставили нас соответствовать критериям НАТО, Европейского Союза, критериям Еврозоны. Однако главного — нашей собственной позиции — я не вижу. Мы никому больше не верим, мы уходим в свой собственный мир. Люди понимают, что они не в состоянии повлиять на окружающее, и не тратят больше на это свою энергию. Мой собственный мир, может, и обогатился, однако, я думаю, меня не станет, если не станет латышской культуры и Латвийского государства. Как-то я буду существовать, но уже неполноценным человеком, не тем, каким хочу быть.